

• •

XIX-XX .

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1270>]

[:]

. . 2007:

. . 11 / . .

(. .).

XIX-XX .//
, 21-25.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

⁴ См.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Teil 1. Tübingen, 1952. S. 601-603.

⁵ См.: Ibid. Bd. 2. S. 602.

⁶ См.: Cic. Leg. III. 3.

⁷ См.: David B. Hollander. The Management of the Mint in the Late Roman Republic (Columbia University) <http://ancientworlds.net/aw/Post/155445>

⁸ См.: Hamilton Ch.D. The tresviri monetales and the republican cursus honorum // Transactions proceedings American Philological Association. 1969. Vol. 100. P. 185.

⁹ См.: Smith W. Moneta. // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities, John Murray, London, 1875. P. 766–767.

¹⁰ См.: Hamilton Ch.D. The tresviri monetales and the republican cursus honorum // Transactions proceedings American Philological Association. 1969. Vol. 100. P. 181–199.

¹¹ Tac. Ann. III. 29.

¹² Tac. Ann. III. 29.

¹³ См.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Teil 1. Tübingen, 1952. S. 601.

¹⁴ Cic. Font. 2.5: «Duorum magistratum, quorum uterque in pecunia maxima tractanda procurandaque versatus est, triumviratus et quaesturae...» – «И как триумвир, и как квестор, две должности, которые подразумевают собой управление и обращение с большими суммами денег...»

¹⁵ См.: Hamilton Ch.D. The tresviri monetales...P. 192–193.

А.Н. Фролова

Личность Марка Юния Брута в историографии XIX – XX вв.

Всплеск исследовательской активности в изучении античной истории, проявившийся во второй половине XIX в. и подкрепленный повышенным научным интересом зарубежных специалистов на протяжении XX в., стал залогом многоаспектного анализа римской истории в целом и ее республиканского периода в частности. Несмотря на пристальное внимание к политической истории Рима и ее творцам – прославленным полководцам, общественным деятелям (что, как правило, являлось ипостасями одного человека), работ, посвященных Марку Юнию Бруту, совсем немного.

Со второй половины XIX в. трактовка личности Брута и его вклада в развитие римского государства была неоднозначной и вызвала ряд дискуссий. По мнению М.Х. Детгенхофер, основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, заключается в чрезвычайно субъективной манере описания,

---

А.Н. Фролова

21

присущей античным историкам. Убийство Цезаря рассматривается не только основным, но и смыслообразующим моментом в жизни Брута, поэтому его биография подается с точки зрения предопределенности судьбы человека. Помимо этого, немецкий исследователь отмечает еще одну особенность работ, посвященных данному политическому деятелю: концептуальная основа исследования зачастую отягощается односторонним подходом, то есть апологией или осуждением Марка Брута¹.

У. Ортманн представила широкий историографический обзор, включающий работы европейских антиковедов со второй половины XIX по конец XX вв.² Как следует из ее очерка, позиция Гастона Буасье по данному вопросу опиралась на исследование переписки Цицерона. На страницах этой переписки Брут предстает как целостная личность с ее идеалами, философскими взглядами. Буасье положительно оценивал Брута, заостряя внимание на позитивных чертах характера исследуемой личности. Совершенно иная оценка Брута характерна для Отто Эдуарда Шмидта, который в работе 1889 г. («M. Junius Brutus» Ein falscher Freiheitsheld des Altertums») рассматривал деятельность данного римского политика как безыдейную, не имеющую ничего общего с республиканскими идеалами. В качестве мотива организации заговора против диктатора выступало то, что Брут в завещании Цезаря не получил тех материальных благ и значительного государственного поста, на которые рассчитывал. Эрнест Блюм подверг данную позицию Шмидта детализованной критике, назвав многие его утверждения и гипотезы «чистейшим произволом», не нуждающимся в опровержении.

Отчасти сходная со Шмидтом оценка личности Брута присутствует и в трудах Теодора Моммзена, который считал, что под напором гражданских войн и смуты общество потеряло духовную составляющую, чем без труда пользовались карьеристы типа Брута, скрывая корыстные цели под сенью высокопарных высказываний³.

На основании историографического обзора работ, посвященных личности Брута, Ортманн приходит к выводу, что к концу XIX в. сложилась определенная оценка роли данного исторического деятеля, включающая положения о его недальновидности как политика, который руководствовался фантазиями и идеалами, нежели чем проницательностью и расчетом.

Первой работой, отошедшей от данных исследовательских установок в сторону большей объективности оценки Брута как политика, является труд Маттиаса Гельцера (1918 г.). В данном сочинении даются сведения не только о страницах жизни Брута, касающихся убийства Цезаря, но и о его происхождении, воспитании, философских взглядах. На основании беспристрастного анализа источников Гельцер приходит к выводу, что Брут искренне верил в республиканские идеалы и пытался следовать им не только в политике, но и в жизни.

Серия работ М. Гельцера, направленных на исследование римской политической элиты, оказала огромное влияние на последующие поколения антиковедов: Й. Бляйкена, Х. Страсбургера, Р.Т. Ридли, Кр. Симона и др.⁴ Взгляды Гельцера по данной тематике были поддержаны и развиты последующими поколениями историков. К примеру, Жерар Вальтер превозносил Брута над другими политиками времени Цезаря и рассматривал его как защитника республиканской формы правления. При этом данный исследователь отмечал, что Брут не ограничивался философской разработкой положений об улучшении государственного строя, он был практиком, пытающимся претворить свои идеалы в жизнь.

Большим успехом в середине прошлого столетия пользовалась биография Марка Брута, вышедшая из-под пера Макса Радина. Она носит научно-популярный характер и представляет собой, скорее, рассказ, перемежающийся историческими фактами, нежели чем историческое исследование. Брут представлялся как идеалист, оторванный от реальности, но талантливый и искренний политик.

Положительная оценка личности Брута и его общественной деятельности закрепились в работах Рональда Сьюма, Вальтера Стернса. Герман Бенгтсон в работе «Zur Geschichte des Brutus» анализирует отношения между Цезарем и Брутом и раскрывает мотивы и цели заговора против диктатора (аргументация автора исследования по данному вопросу представляется У. Ортманн недостаточно продуманной и целостной).

Первым исследователем, посвятившим свою работу такой теме, как деятельность Брута на Востоке с 44 по 42 гг. до н.э., была Е.-М. Книли. В ходе исследования автор привлекла переписку и речи Цицерона как основной источник по данной проблеме. Томас В. Африк подходил к оценке личности Брута с психологической и психоаналитической точки зрения.

Работа Мартина Кларка «The Noblest Roman. Marcus Brutus and His Reputation» содержит объективную и многофакторную оценку взглядов Брута, наполнением которых выступало стремление к свободе и политической гармонии. Труд Кларка делится на две части: в первой идет изложение основных вех жизни Брута, во второй – оценка его деятельности последующими поколениями политиков и философов, поэтов и драматургов. Автор приходит к выводу, что жизненный путь Брута был пройден в соответствии с одним из основополагающих понятий римской ментальности – *virtus* – мужество, составными частями которой были храбрость, усердие, энергия, стойкость. Данный политический деятель был редким для современного ему общества обладателем добродетелей, сформировавшихся в соответствии с *mores maiorum*⁵.

Андреас Альфельди в работе «Caesar in 44 v. Chr.» (1985 г.) заимствует многие оценочные категории и положения у Т. Моммзена. Общий тон повествования (критика римской политической элиты и идеализация портрета Цезаря) неизбежно приводит к осуждению заговора Брута и деятельности Цицерона, рассматриваемого как идеологического защитника убийства Цезаря. Республиканский заговор расценивается как «вероломное убийство», замаскированное под сенью высоких идеалов о восстановлении законности и свободе. Убийство Цезаря, которое автор уподобляет бесчинствам мафии в новейшее время, было, на его взгляд, совершено Брутом из желания сосредоточить всю полноту власти в своих руках. В условиях стабильности, считает А. Альфельди, к примеру, во времена Траяна, Брут мог бы добиться уверенного общественного положения, а романтическая тоска по республике добавила бы ему известной политической привлекательности⁶. В целом же портрет Брута, нарисованный данным исследователем, включает в себя такие неприглядные стороны человеческой сущности, как лицемерие, предательство, тщеславие, жадность, проявившаяся в ростовщических сделках и шантаже. Как политик Брут представляется весьма заурядным теоретиком, ограниченным и упрямым.

Х. Фловен рассматривает такой аспект римской ментальности, как влияние примера предков на судьбу и моральные установки человека. Род Брута был богат выдающимися общественными деятелями, отдавшими многое во имя укрепления республиканского строя. Именно историческая память

как крепкая родовая традиция стала одним из факторов, приведших Брута к убийству Цезаря.

Таким образом, спектр суждений о Бруте в историографии – и это наглядно показывает историографический анализ, проведенный У. Ортманн, а также наше непосредственное обращение к трудам исследователей – чрезвычайно широк: от оценки Марка Юний Брута как талантливого философа и дальновидного политика до малодушного человека, прикрывающего стремление к неограниченной власти высокими идеалами.

Примечания

¹ См.: Dettenhofer M.H. *Perdita Iuventus: Zwischen den Generation von Caesar und Augustus*. München, 1992. P. 231.

² См.: Ortmann U. *Cicero, Brutus und Octavian – Republicaner und Caesarianer*. Bonn, 1988.

³ См.: Dettenhofer M.H. *Op. cit.*

⁴ См.: Burckhard L.A. *The political elite of the Roman Republic // Historia*. Bd. 30. 1990. S. 79–99.

⁵ См.: Clarke M. *The noblest Roman. Marcus Brutus and his reputation*. N.Y., 1981.

⁶ См.: Dettenhofer M.H. *Op. cit.*

Е.С. Данилов

Римская и византийская разведывательные системы: терминология источников

Разведка на языке профессионалов – это искусство приобретения и приумножения знаний о том, что сознательно скрывается. Скрывается же обычно то, что является самым важным для выживания того или иного государства. Основные разведывательные сведения добываются агентурным путем. Именно на их основе принимается значительная часть важнейших решений на политическом уровне. Опыт работы разведок различных стран показывает, что агентура была и остается основным элементом их оперативной деятельности. Именно агенты добывают наиболее ценную информацию. И самая охраняемая тайна любой разведки – это сведения об агентах, действующих в стане противника.

В римской армии были свои разведчики и шпионы. Во времена ранней империи (I – II вв.) они выполняли различ-

Е.С. Данилов

25

